
ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПОѢЗДКА ВЪ КУНГУРЪ.

(Изъ Дорожныхъ Записокъ).

.... 5 Августа 1839 года мы выѣхали изъ Перми съ двумя бураками перьяменей и со множествомъ желаній благополучнаго пути. Этими дарами наградили насъ

добрые наши знакомые. Мнѣ жаль было разстаться съ Пермью. Живши такъ долго въ этомъ городѣ, я привыкъ къ тамошней полусонной жизни, даже и къ нѣкоторымъ къ тамошнимъ простенькимъ чудакамъ, къ тамошнимъ добренькимъ *барынямъ* и *барышнямъ*. Что ни говорите, а привычка много дѣлаетъ; мнѣ и до сихъ поръ пріятно вспоминать вечера, проведенные въ курьозныхъ спорахъ о политикѣ и литературѣ, гулянья на *заимкахъ*, * катанья по Камѣ. Патріархальная простота, радушное гостепріимство Пермяковъ мнѣ всегда будутъ памятны. Что же дѣлать, если у иныхъ найдете вы мало еще образованія. Они вѣдь въ Перми живутъ, а Пермь посмотрите-ка гдѣ.

Быстро катилась наша долгуша по пустой, пыльной, но за то главной улицѣ Перми. Какъ она называется — не спрашивайте; въ Перми названія улицъ существуютъ только на планѣ, а тамъ они ни кому не извѣстны. Если вамъ нужно отыскать когонибудь въ Перми, вы должны непременно знать, близъ какого извѣстнаго человека онъ живетъ; безъ этого вы не скоро отыщете вашего знакомаго. Странное дѣло, въ Перми отыскиваютъ своихъ знакомыхъ — *по питьевымъ домамъ*. — «N. N. живетъ у Кунгурскаго кабака; Z. Z. живетъ у Разгуляя.» Подобныя фразы вы услышите даже въ лучшихъ Пермскихъ гостиницахъ, и это совсѣмъ не мифъ.

Миновавъ домъ училища дѣтей канцелярскихъ служителей, мы поѣхали къ Кунгурской заставѣ. На право тянулся когда-то бывший прекрасный бульваръ. Нынче онъ совершенно заброшенъ; ротонда, выстроенная въ срединѣ его, для удовольствія публики, теперь только пугаетъ ее, потому что съ каждымъ часомъ надобно ожидать ея паденія. Бульваръ гармонируетъ съ городомъ, въ которомъ нечистота и безпорядокъ препорядочны. Какъ можно сравнить съ Пермью богатые заво-

* Родъ дачи.

ды: они столицы въ сравненіи съ своимъ губерньскимъ городомъ.

Въ одной верстѣ отъ заставы начинается лѣсъ, среди котораго идетъ прекрасная гальковая дорога, устроенная Модерахомъ, бывшимъ прежде здѣсь губернаторомъ и прекрасно устроившимъ-было свою губернію. Девять верстѣ идетъ дорога эта скучнымъ лѣсомъ, на десятой верстѣ начинается спускъ. Мы подъѣхали къ деревнѣ Фроловой, которая стоитъ на рѣчкѣ Мулянкѣ. Мѣстопоположеніе прекрасно. Предъ вами обширная ложбина, покрытая ручейками, лѣсочками; свѣтлая Мулянка прихотливо извивается по ней; на послѣднемъ планѣ роскошной картины имѣются возвышенности, покрытыя лѣсомъ: это, какъ говорятъ, подножье Урала.

У дер. Фроловой есть порядочный садикъ, и *заимка*, принадлежащая одной Пермской помѣщицѣ. Прежде, говорятъ, здѣсь былъ прекрасный домъ, но онъ сгорѣлъ. Мы провели нѣсколько минутъ во Фроловѣ, — въ это время чинили нашу долгушу. Я стоялъ на холмѣ, смотрѣлъ на синюю даль. Такъ это-то Уралъ, думалъ я, это-то богатая сокровищница Русская. Сколько впечатлѣній! — Впрочемъ, я жестоко обманулся, принявъ отдаленныя возвышенности за настоящій Уралъ. Когда впоследствии мы переѣхали эту возвышенность, намъ впереди представилась такая же новая, и такъ далѣе и такъ далѣе. Если бы вы не зная географіи пріѣхали въ Екатеринбургъ, и вамъ бы сказали, что вы переѣхали Уральскія горы, что вы въ Азіи, вы не повѣрили бы этому. Такъ незамѣтно постепенное возвышеніе Урала. Далѣе къ сѣверу дѣло другаго рода: тамъ вы встрѣтите громадныя камни, видимыя верстѣ за двѣсти отъ ихъ подножія, тамъ вы увидите черную стѣну хребта или пояса; но здѣсь, здѣсь вы рѣшительно не замѣтите знаменитаго Урала.

* Камнемъ на Уралѣ называется всякая отдѣльная гора.

До Коянова, первой станціи отъ Перми, считается двадцать пять верстъ. Эта деревня населена Татарами, которыхъ довольно много живетъ около Кунгура. Въ Кояновѣ они имѣютъ мечеть. Здѣшніе Татары, составляя особую отрасль народа Татарскаго, нѣсколько отличаются отъ Казанскихъ Татаръ, какъ языкомъ, такъ и обычаями. Имѣя большее сходство съ Татарами Оренбургскими, они много заняты и отъ Башкировъ, ихъ сосѣдей.

Здѣшніе Татары потомки извѣстныхъ въ исторіи Татаръ Сылвенскихъ и Иренскихъ, получившихъ такія названія отъ рѣкъ Сылвы и Ирени, по берегамъ которыхъ они обитали. Въ древности на этихъ мѣстахъ жили Коми-Утиры, что можно доказать какъ Пермскимъ названіемъ рѣки Сылвы, * такъ и существованіемъ Чудскихъ городищъ въ этомъ краѣ **. Впослѣдствіи времени Татары, пришедшіе изъ средней Азіи, утвердились здѣсь по рѣкамъ Сылвѣ и Ирени, на земляхъ бѣжавшихъ Комиутировъ. Когда Русь, свергнувъ Татарское иго, начала распространять господство свое надъ странами по Уралу лежащими, тогда слабый, ничтожный остатокъ нѣкогда грозной Орды, Татары Сылвенскіе, признали надъ собою власть Русскихъ. Во времена Ермака они были на нашей сторонѣ. При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ они уже находились въ совершенномъ подданствѣ, и платили ясачную пошлину Пермскимъ (г. е. Чердынскимъ) ясащикамъ. При Грозномъ эта пошлина состояла изъ четырехъ сороковъ куницъ. При Θεодорѣ Іоанновичѣ эта пошлина увеличена была до пяти сороковъ, и приказано было отдавать ее Князю Петру Горчакову и Θεодору Хлопову

* Два урочища на Ледяной горѣ: Молебное близъ деревни Козаевой, Усть-Мечкинское при деревнѣ Усть-Мечкѣ, Заницкое въ Красноярской волости.

** У деревни Елкиной надъ самой Сылою и др. Подробно о городищахъ и говорилъ въ 8-й статьѣ этихъ Записокъ, которая будетъ помѣщена въ Отечеств. Запискахъ.

правителямъ остроговъ, устроенныхъ на Чусовой. — Татары безропотно и исправно платили эту пошлину; она не отягощала ихъ, потому что они пользовались богатыми угодьями: у нихъ было въ цвѣтущемъ состояніи пчеловодство, въ рѣкахъ ловили они бобровъ, въ лѣсахъ били куницъ; къ нимъ пріѣзжали за медомъ, воскомъ и хмѣлемъ Русскіе люди, изъ Перми Великой, Соликамской и Кай города; въ ихъ землю приходили и Татары Уфимскіе торговать съ Русскими. Со вступленія на престолъ Бориса Оеодоровича, положеніе Сылвенскихъ и Иренъскихъ Татаръ измѣнилось къ худшему. Пошлина была значительно увеличена: вмѣсто пяти сороковъ куницъ, ихъ заставили платить по одиннадцати сороковъ, и сверхъ того эту пошлину заставили отдавать не въ Перми Великой, а въ Верхотурь. Последнее обстоятельство довело ихъ до большой крайности. Верхотурье было такъ далеко отъ Сылвы, что Татарамъ стоила большихъ издержекъ поставка пошлины въ этотъ городъ. Къ этому присоединились и злоупотребленія, которыхъ, при тогдашнемъ смутномъ положеніи Руси, въ самомъ началѣ истребить было не возможно. Верхотурскіе казаки и стрѣльцы, пріѣзжая на Сылву для сбора ясака съ торговыхъ людей, и десятины отъ меда, воска и хмѣля, Татарамъ *«чинили насильство и обиду великую, сверхъ государева ясаку имали себѣ насильствомъ рублей по сороку и велили на себѣ меды ставити, и на воеводѣ правили поминки великіе»*. Татары, притѣсняемые лихоимцами, дошли до того, что закладывали женъ и дѣтей для удовлетворенія притѣснителей. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій позволилъ имъ давать пошлину въ Великой Перми по прежнему, но этимъ злоупотребленія не были истреблены. Пермскіе цѣловальники, заставляя ихъ возить въ Пермь на судахъ царскій ясакъ, брали еще у нихъ насильно суда подъ свои собственные товары, и этимъ приносили имъ убытку рублей до сорока и болѣе ежегодно. Строгановы и другіе частные владѣльцы Перм-

скаго края отнимали у Татаръ земли, истребляли пчелъ, убивали людей. Татары доведены были до крайности. Они въ 1621 г. подали челобитную Царю Михаилу Ѳеодоровичу, прося о пресѣченіи всѣхъ злоупотребленій. Черезъ девять мѣсяцевъ отправленъ былъ по приказанію Царя на Сылву Чердынецъ Поспѣлко, для исправленія тамошнихъ дѣлъ. * Поспѣлко сдѣланъ былъ Чердынскимъ цѣловальникомъ, и ему въ 1622 году данъ былъ наказъ, въ которомъ особенно любопытна статья о воспрещеніи продавать Татарамъ и Остякамъ *«заповѣдные товары»* нанцыри, доспѣхи, шеломы, сабли и копыя. Изъ этого видно предусмотрительность тогдашняго правительства: 1661 годъ доказалъ справедливость этой предусмотрительности.

Въ слѣдующемъ (1623) году посланъ былъ въ Пермскій край Михайло Кайсаровъ для составленія писцовыхъ книгъ. Онъ установилъ порядокъ относительно взиманія пошлыны съ Сылвенскихъ Татаръ. — Выписываю изъ его писцовой книги ** нѣсколько строкъ, относящихся къ этому дѣлу:

«Всего Сылвенскихъ и Иреньскихъ Остяковъ и Татаръ 67 юртъ, да 4 Черемисскихъ да 1 Мордовскій. Людей въ нихъ Остяковъ и Татаръ 81 человекъ, да 4 человека Черемисъ да Мордовинъ; пашни пахатныя добрыя земли около юртъ 55 четей въ полѣ, а вду потомужъ. А по Государеву Цареву и Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича всея Русіи указу съ тѣхъ юртовъ Остякамъ и Татарамъ платить въ государеву казну по 14 сороковъ по 25 куницъ на годъ. Да съ тѣхъ же юртовъ положено вновь за пашню и за верховые оброки и за рыбныя

* Обо всемъ этомъ см. Акты, соб. Ар. Эксп. III №. 42, 78, 118, 122, 124.

** Эта писцовая книга хранится въ Соликамскомъ городскомъ магистратѣ. Бывши тамъ, я выписалъ нѣкоторыя мѣста изъ нея и между прочимъ эти строки.

и за звѣриныя ловли и за бобровые гоны за всякія «угодыя съ 72 юртовъ 72 куницы, по куницѣ съ юрта.

«А всего Сылвенскимъ и Иреньскимъ Татаромъ и Остяткомъ впередъ платить въ Государеву казну въ Новгородскую четъ по 16 сороковъ и по 17 куницѣ на годъ.

«Да пошлинъ съ куницы по депгѣ, и того 3 рубли, 9 алтынъ, 3 деньги.

«И прибыло сверхъ окладныя росписи Сылвенскаго и Иреньскаго ясаку 5 сороковъ, 17 куницѣ. Да пошлины «прибыло 3 рубли, 9 алтынъ, три деньги.

Татары стали размножаться и усиливаться. Чтобы удобнѣе держать ихъ въ повиновеніи, Царь Алексѣй Михайловичъ указалъ въ ихъ землѣ построить городъ Кунгуръ (въ 1649). Опасенія оправдались: въ 1661 году вспыхнулъ бунтъ; къ здѣшнимъ Татарамъ присоединились Татары Уфимскіе и Башкирцы. Кунгуръ былъ разоренъ, и только рать посланная изъ Казани подъ предводительствомъ воеводы А. М. Языкова, и пополненная собранными изъ Пермскаго края ратниками, могла усмирить бунтовщиковъ.

Съ тѣхъ поръ Татары мирны, и вотъ безъ малаго уже двѣсти лѣтъ, какъ между ними не замѣтно никакихъ мятежныхъ выходокъ. Была, правда, во времена Пугачева—но это дѣло особаго рода.

Отѣхавъ отъ Коянова 17 верстъ, мы поднимались на высокую гору Облупышъ. Гора высока, въѣздъ на нее довольно труденъ. Когда мы достигли вершины Облупыша, глазамъ нашимъ представилось чудное мѣстоположеніе. На право отдаленныя возвышенности сливались въ одну синюю полосу съ тучами, окоймившими горизонтъ; обширная долина, разстилавшаяся предъ нами, была покрыта рощами, и эти рощи, состоя не изъ хвойныхъ деревьевъ, смотрѣли такъ весело, такъ привѣтно. Здѣсь природа уже совсѣмъ не та, какъ въ окрестностяхъ Перми, и

тамъ далѣе на сѣверъ. Здѣсь преддверіе того Кунгура, который по справедливости называютъ Пермскою Италіей.

Пройхавъ еще верстъ двадцать, поднявшись нѣсколько разъ на возвышенности, и потомъ снова спустившись нѣсколько разъ въ долины, мы доѣхали до Крылосова. Это торговое село, въ которомъ бываютъ двѣ годовыя ярмарки (9 Мая и 6 Декабря), находится на рѣкѣ Бабкѣ, близъ огромныхъ известковыхъ горъ, которыми мы ѣхали вплоть до самаго Кунгура. Дорога изъ Крылосова идетъ берегомъ рѣки Бабки. Эта рѣка, впадающая въ Сылву пониже Кунгура, имѣетъ чрезвычайно низкій лѣвый берегъ: отъ этого не только весной, но и во время сильныхъ дождей, обширная долина, находившаяся отъ насъ на право, наполняется водою. Правый берегъ Бабки составляютъ высокія известковыя горы; бѣлою стѣною тянутся онѣ вдоль берега, на ихъ вершинахъ разбросаны березовыя рощи. Горы не рѣдко подмываются водою; отъ этого въ иныхъ мѣстахъ огромные камни висятъ надъ дорогою; кажется они готовы упасть и задавить все, что подъ ними ни находится. На право ландшафтъ восхитительный: долина покрыта рощами, деревнями, между которыхъ извиваются рѣчки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны озера. Полуденное солнце разсыпаетъ золотыя блестки на ихъ поверхности; на послѣднемъ планѣ бѣлою грядою тянутся известковыя горы; полоса зелени березовыхъ лѣсовъ раздѣляетъ ихъ бѣлую полосу отъ синевы небесной.

Не доѣзжая пяти верстъ до Кунгура, мы вѣхали въ какое-то ущелье, чтобы подняться на Бабкинскую гору. По сторонамъ стояли круглыя известковыя горы. Онѣ были похожи на руины какихъ-то древнихъ башенъ; обломки, лежавшіе на голыхъ вершинахъ, казались исполинскими зубцами; разсѣлины, въ нѣсколько рядовъ опоясывающія горы, казались признаками того, что эти баш-

ни когда-то были сложены изъ камней, но такихъ камней, изъ которыхъ развѣ только Циклопы и Гиганты могутъ строить зданія. Въ другихъ мѣстахъ я часто видалъ, какъ искусство силится подражать природѣ; но признаюсь, нигдѣ еще не видалъ, чтобы природа до такой степени подражала искусству, какъ здѣсь на горѣ Бабкинской.

Поднявшись на Бабкинскую гору и пройдя три версты съ половиною, мы очутились у края крутой и высокой горы Иреньской. Подъ нею протекали и сливались Сылва и Ирень, по берегамъ которыхъ раскинулся Кунгуръ. На право высокая возвышенность, на которой находился соборъ и еще нѣсколько церквей и домовъ Кунгура; на лѣво долина, полузакрытая высокими домами. Прямо передъ вами за Кунгуромъ бѣлою стѣною тянется правый берегъ Сылвы, возвышается известковая Ледяная гора, славная своею пещерою. На ней стоять два Чудскія городища, и эти памятники старины незапамятной, кажется, такъ угрюмо смотрятъ на новый Кунгуръ, который у подножія ихъ кипитъ торговой и промышленной дѣятельностію.

Переѣхавъ мостъ чрезъ Ирень — мы были уже въ Кунгурѣ.

Сначала Кунгуръ стоялъ на другомъ мѣстѣ. Въ слѣдствіе указа Царя Алексѣя Михайловича, въ 1649, «на порожней землѣ, купленной Русскими людьми у Иреньскихъ Татаръ», былъ выстроенъ городъ Кунгуръ. Построили его по обыску Чердынскихъ и Усольскихъ воеводъ: думнаго дворянина Прокопья Елизарова * и стольниковъ Князя Петра Прозоровскаго и Семена Кондырева. Мѣсто прежняго Кунгура находится въ 17 верстахъ отъ нынѣшняго города, на правомъ берегу рѣки Ирени, верстахъ въ двухъ отъ устья рѣки Кунгурки, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ село Старый Посадъ.

* Онъ впоследствии былъ воеводой въ Нижнемъ Новгородѣ.

Вскорѣ послѣ своего основанія, Кунгуръ имѣлъ уже большое народонаселеніе. Выходцы изъ Вятки, Кай-города, Сольвычегодска и Великаго Устюга во множествѣ селились въ немъ, привлекаемые богатствомъ страны Иреньской. Въ 1661 году взбунтовались Иреньскіе Татары; и, соединясь съ Татарами Уфимскими и Башкирами, начали грабить уѣздъ Кунгурскій; самый городъ былъ взятъ ими и сожженъ. Для усмиренія этого бунта по царскому указу посланъ былъ изъ Казани воевода Языковъ съ войскомъ, къ которому присоединились ратники, собранные въ Пермскомъ краѣ. — Усмирить бунтовщиковъ съ такою ратью, какую имѣлъ Языковъ, было не трудно: въ 1662 бунтъ былъ усмирень, и спокойствіе въ Кунгурскомъ уѣздѣ было возстановлено.

Послѣ усмиренія Татарскаго бунта, оставшіеся Кунгурыки просили позволенія поселиться на другомъ, болѣе удобнѣйшемъ мѣстѣ.

Въ слѣдствіе этой просьбы и для предупрежденія бунтовъ на слѣдующее время, въ 1662 году выстроенъ былъ городъ и крѣпость на нынѣшнемъ мѣстѣ. Прежде находилось здѣсь село Сосновый Мысъ.

Отъ укрѣпленій, построенныхъ, какъ въ 1662 году, такъ и въ послѣдующее время, до сихъ поръ уцѣлѣла деревянная башня и часть вала. Но эта башня, о которой говорю я, по построенію своему относится уже ко временамъ Пугачева.

Старинныя укрѣпленія Кунгура были слѣдующія:

1) На самомъ мысу на горѣ построена была изъ деревянныхъ стѣнъ четверугольная крѣпость съ бойницами. Стѣна была вышиною въ три сажени, имѣла въ окруж-

* См. Собраніе Государств. грамотъ и договоровъ IV — N 24. Собрано было съ пяти дворовъ по ратнику. Хлѣбные запасы тоже были собраны съ Пермскихъ людей.

ности 323 сажени, и фланкировалась восьмью башнями, изъ которыхъ двѣ были съ проездными воротами. Это укрѣпленіе, построенное въ 1673 году, окружало соборныя церкви и другія зданія, находящіяся на горѣ, и было разрушено при открытіи Пермскаго намѣстничества (въ 1781 году).

2) Отъ рѣки Сылвы до Ирени, по горѣ, сдѣланъ былъ валъ длиною въ 661 сажень. Въ 1697 году на немъ были выстроены башни.

Теперь эти укрѣпленія едва примѣтны.

Новый Кунгуръ распространился весьма скоро: черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ его основанія въ немъ было уже 1651 дворъ. Слѣдовательно онъ былъ въ это время гораздо значительнѣе многихъ Русскихъ городовъ, напр. Казани, Ростова, Вологды и пр. — Это можно видѣть изъ окладныхъ книгъ 1681 года, о сборѣ денегъ на жалованье Московскимъ стрѣльцамъ. До 1681 же года Кунгуръ имѣлъ своего епископа, зависѣвшаго отъ Вятскаго, но въ этомъ году Кунгурская епископія была уничтожена *.

Кунгурскій уѣздъ съ 1662 года по 1682, состоялъ, вмѣстѣ съ Чердынью и Соликамскомъ, въ вѣдомствѣ находившагося въ Москвѣ Новгородскаго Приказа, съ 1682 по 1703 годъ зависѣлъ отъ Казанскаго приказа. А съ 1703 вмѣстѣ съ Верхотурьемъ, Чердынью и Соликамскомъ находился въ вѣденіи Сибирскаго Приказа. Съ 1703 по 1719 управлялъ Кунгурскимъ уѣздомъ Сибирскій губернаторъ Князь Гагаринъ.

Въ 1719 Кунгуръ былъ приписанъ къ Вятской провинціи и состоялъ подъ ея вѣденіемъ до 1724, а съ этого времени, вмѣстѣ съ Чердынью, зависѣлъ отъ Соликамской провинціи, приписанной къ Казанской губерніи. Это

* См. Собр. Госуд. Гр. и Догов. IV — N 128.

продолжалось до 1737 года. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, Башкиры дѣлали частые набѣги на уѣздъ Кунгурскій, грабили жителей, опустошали селенія. Чтобы удобнѣе было усмирить бунтовщиковъ; Правительство въ 1737 году перевело все провинціальное вѣдомство изъ Соликамска въ Кунгуръ. Такимъ образомъ Кунгуръ сдѣлался провинціальнымъ городомъ Казанской губерніи, и былъ имъ до 1781 года; а въ этомъ году онъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ новооткрытаго Пермскаго намѣстничества.

1773 годъ памятенъ для здѣшняго края по своимъ ужасамъ. До сихъ поръ сохраняется много преданій о страшномъ *Пугачевѣ* и его *помощникѣ* Бѣлобородовѣ, до сихъ поръ старики со вздохомъ вспоминаютъ ужасное время злодѣйствъ. Годъ возмущенія сдѣлался какою-то эрою въ здѣшнемъ краѣ: старики обыкновенно говорятъ «я родился за столько-то лѣтъ до *Пугачева года*, это было въ самый *Пугачевъ годъ*».

Разсказы о Пугачевѣ, объ его ненависти къ дворянамъ, объ его дѣйствіяхъ достигли до Кунгурскаго края еще въ 1773 году. Волненіе умовъ сдѣлалось всеобщимъ: всѣ зашумѣли, заговорили; крестьяне помѣщичьи не стали слушаться управителей. «Мы убьемъ васъ, когда пожалуетъ къ намъ Великій Государь,» говорили они. — Татары также были готовы взбунтоваться — не доставало только прибытія мятежниковъ. Въ Генварѣ 1774 явился въ Кунгурскомъ уѣздѣ тамошній уроженецъ Бѣлобородовъ. Поселеніе этого клеветы самозванцова зажгло давно тлѣвшіяся искры возмущенія. Множество крестьянъ пристало къ его шайкѣ; въ деревняхъ били, рѣзали, грабили тѣхъ, кто не нравился мятежникамъ. Башкирцы и Кунгурскіе Татары тоже взбунтовались и пошли на Кунгуръ. Городъ укрѣпили, жители его вооружились. Къ нимъ на помощь пришелъ Казанскаго горни-зона Маіоръ Поповъ съ рекрутскою командою. Съ эти-

ми солдатами, съ купцами и мѣщанами, вооруженными луками, копьями и ружьями. Поповъ не разъ отражалъ бунтовщиковъ, намѣревавшихся овладѣть Кунгуромъ. При первомъ приступѣ къ Кунгuru мятежниковъ, Кунгурскій воевода Н. И. Миллеръ, человѣкъ слабый и безхарактерный, убѣжалъ, оставя городъ на произволъ судьбы. Храбрый Поповъ принялъ начальство надъ городомъ, и управлялъ имъ до самаго того времени, какъ присланъ былъ новый воевода Надворный Совѣтникъ Голубцовъ. Между тѣмъ мятежники снова сдѣлали нападеніе на Кунгуръ. Поповъ и бывший при немъ Капитанъ Буткевичъ снова прогнали ихъ отъ города, отбили у нихъ пять пушекъ, и сто сорокъ человѣкъ взяли въ плѣнъ. Послѣ этого многіе мятежники добровольно пришли съ повинною головою; но Поповъ, находясь въ крайнихъ обстоятельствахъ, *не далъ*, по словамъ Верхованцова, *имъ потаки*.—Возмущеніе этимъ не кончилось. Пугачевъ еще существовалъ, и мятежъ не прекращался. Нѣсколько шакъ было разогнано Поповымъ и Ассесоромъ Башмаковымъ, вооружившимъ крестьянъ Юговскаго завода; еще много другихъ шакъ ходили и разбойничали по Кунгурскому уѣзду.

Мятежники, въ двадцатыхъ числахъ Генваря снова осадили Кунгуръ. Число ихъ было такъ велико, что Поповъ уже рѣшился умереть во время вылазки. Къ счастью, 25 Генваря прибылъ въ Кунгуръ посланный туда съ командою Маіоръ и кавалеръ Гагринъ. Бунтовщики узнавъ объ этомъ, бросились прочь отъ осаждаемаго города. Кунгуръ праздновалъ свое освобожденіе. Думали, что спокойствіе восстановлено.

Вдругъ приходитъ страшная вѣсть: мятежники въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ собрались въ 27 верстахъ по Сибирской дорогѣ отъ Кунгура, въ селахъ Ордынскомъ и Саборѣ. 29 Генваря Маіоры Гагринъ и Поповъ отправились къ Ордынскому. У этого села произошло

упорное сраженіе. Наконецъ мятежники были разбиты и разсѣяны. Осьмнадцать чугунныхъ пушекъ съ снарядами и 62 человѣка плѣнныхъ были приведены побѣдителями въ Кунгуръ.

Недѣли черезъ три, Гагринъ узналъ, что близъ Красноуфимской крѣпости, у деревни Иванковой, мятежники расположились стапомъ, и имѣютъ намѣреніе снова идти къ Кунгуру. Ни сколько не медля онъ бросился къ Красноуфимску, нашелъ злодѣевъ у Иванковой, и, не смотря на превосходство ихъ силы, разбилъ ихъ, отнялъ двѣ чугунныя трехфунтовыя пушки и нѣсколько снарядовъ. Мятежники бѣжали и заперлись въ Красноуфимскѣ. Февраля 19 Гагринъ явился у этой крѣпости, и за версту отъ нея встрѣченъ былъ многочисленною толпою мятежниковъ. Онъ разбилъ ее, подошелъ къ крѣпости и началъ атаку съ двухъ сторонъ. Долго и упорно защищались мятежники; наконецъ, доведенные до изнеможенія, они бросились стремглавъ изъ крѣпости. Гагринъ десять верстъ преслѣдовалъ бѣгущихъ, у которыхъ отбилъ три пушки. Въ крѣпости найдено пять пушекъ.

Гагринъ пошелъ къ Екатеринбургъ, въ окрестностяхъ котораго бродили шайки Бѣлобородова. Мятежники, находившіеся въ Уткинскомъ заводѣ г. Демидова, узнавъ о приближеніи Гагринъ, немедленно укрѣпили заводъ *сильнымъ валомъ*, вышиною въ полторы сажени; поставили на верху вала туры, обнесли сверхъ того, заводъ рогатками, въ четырехъ воротахъ его поставили пушки. Гагринъ взялъ снѣговую крѣпость, и шесть верстъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ мятежниковъ. Лишь только онъ воротился въ Уткинскій заводъ, какъ получилъ извѣстіе, что къ нему приближается самъ Бѣлобродовъ. Гагринъ пошелъ на встрѣчу мятежника. Съ ужаснымъ крикомъ и сильною пушечною пальбою встрѣтилъ Гагринъ Бѣлобродовъ, но вскорѣ злодѣйская толпа разсѣялась, оставя

пушки. Тринадцать пушекъ и около 1000 человекъ было взято при этомъ случаѣ Гагринымъ.

Между тѣмъ, разбитый уже нѣсколько разъ, самозванецъ ослабѣвалъ въ Оренбургскомъ краѣ. Это обстоятельство заставило всѣ толпы мятежниковъ, бродившія и грабившія въ уѣздѣ Кунгурскомъ, идти къ своему главному предводителю. Кунгуръ находился въ безопасности.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Пугачевъ, тѣснимый войсками Императрицы, пошелъ къ Камѣ. Въ это время онъ всею своею силою устремился было на Кунгуръ, но отраженный Гагринымъ и Поповымъ пошелъ къ Красноуфимску, а оттуда въ Осу и въ Казань. Въ Сентябрѣ, самозванецъ былъ схваченъ, и возмущеніе окончилось, но долго еще смуты продолжались въ уѣздѣ Кунгурскомъ, долго не наступала совершенная тишина. Учрежденіе Пермскаго намѣстничества совершенно утвердило спокойствіе здѣшняго края *.

Въ воспоминаніе избавленія Кунгура отъ мятежниковъ, до сихъ поръ каждое Воскресеніе изъ соборной церкви выходятъ съ иконами на площадь, и служатъ молебенъ; каждый годъ 6-го Августа ходятъ въ крестномъ ходу изъ собора къ старой башнѣ, хранящейся какъ памятникъ года Пугачевского. Въ крестномъ ходу носятъ и то знамя, съ которымъ ратовали Кунгурияки и жители Юговскаго завода противъ мятежниковъ....

П. Мельниковъ.

* Здѣсь я изложилъ подробно дѣйствія противъ мятежниковъ около Кунгура болѣе потому, что А. С. Пушкинъ совершенно почти не говорить объ нихъ. — Источниками мнѣ служили Прибавленія къ С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1774 г., рассказъ Верхолапцова и преданія.